

А Ци не стал спрашивать, в чём дело, и сразу отправился в жилище Ань Жуна. Не спал всю ночь, но сам всё ещё был необычайно бодр.

Открыв дверь, он увидел, как тот человек играет с маленькой собакой — ту самую жёлтую собачонку, которую когда-то привезли из Храма Таожань. За несколько коротких месяцев она выросла в большого пса. А Ци закрыл за собой дверь, подошёл и присел рядом, поглаживая Сяо Хуана.

— Отнеси её в дом наставника наследника престола, для госпожи Шэнь.

А Ци застыл, чувствуя, как туго натянутая струна в его сердце окончательно оборвалась. Ань Жун поднял взгляд, мельком взглянув на А Ци, не прерывая своих действий.

— Что, жалко?

А Ци угрюмо промолвил:

— Сяо Хуан столько времени был с тобой, у тебя должны были появиться к нему чувства...

Ань Жун убрал руку, которой гладил собаку, и поднялся на ноги, пристально глядя на А Ци:

— Это всего лишь маленькое животное, чтобы развлечься. Какие тут могут быть чувства?

Произнося эти слова, он чувствовал, как в глазах этого раба-черепахи отразилась печаль.

А Ци поднял взгляд на Ань Жуна. На этом лице, лишённом всяких эмоций, сквозила невыразимая зловещая аура. Использовать слово «зловещий» для описания мужчины, вероятно, было связано с его привлекательной внешностью.

— Ты сам подарил её мне.

Ань Жун наклонился, коснувшись грубого лица А Ци, и, немного помедлив, тихо произнёс:

— Ты знаешь, для чего используются острые мечи у четырёх Небесных Царей в буддизме?

А Ци покачал головой, даже не понимая его слов.

— Они используются, чтобы отсечь привязанности и корни чувств. Тебе стоит хорошенько это осмыслить.

Ань Жун усмехнулся, жестоко продолжая:

— А Ци, ты как эта собака. Мне было интересно поиграть с тобой пару дней, а когда интерес пропал, всё закончилось.

В тот момент униженная скорбь А Ци была явно видна, и она полностью попала в глаза Ань Жуна. Не проронив ни слова, А Ци поднял Сяо Хуана и направился к двери.

Потому что А Ци знал, что этот человек сделал это намеренно. Как бы он ни умолял, это было бесполезно.

Рука Ань Жуна, спрятанная в широком рукаве, дрожала, но он снова и снова напоминал себе, что тот человек был всего лишь рабом-черепахой, и он не сделал ничего плохого. Лучше отсечь эти ошибочные корни чувств как можно раньше, чтобы избежать лишних проблем. Так

подумав, Ань Жун смог освободиться от жалостливого взгляда на уходящую спину А Ци.

Сяо Хуан за последние несколько месяцев хорошо питался, и за пять-шесть месяцев он вырос до размеров двухлетней собаки. А Ци, неся его на руках, почувствовал тяжесть, нашёл верёвку, привязал её к собаке и повёл её в дом семьи Шэнь. Сяо Хуан, казалось, понимал человеческую речь и, зная, что его отправляют, тихо скулил, его опущенные веки выглядели крайне жалко. А Ци погладил его по голове и вздохнул.

Выйдя из квартала Пинкан, он долго шёл на север города, пока наконец не нашёл дом семьи Шэнь. А Ци сказал управляющему, что он слуга господина Аня, и попросил передать господину Шэню. Вскоре его пригласили внутрь.

А Ци долго ждал в переднем зале дома Шэнь, но господин Шэнь так и не появился. Ноги онемели, и, взглянув на кресла из красного дерева, стоящие по обе стороны зала, он хотел было сесть, но, подумав о своём жалком виде, решил не пачкать чужую мебель.

Прошло больше часа, прежде чем Шэнь Пэйлинь наконец появился, сопровождаемый слугой, и, идя, продолжал отдавать распоряжения:

— Ту картину, которую я только что закончил, отнеси в мастерскую Жунбао, пусть мастер Сунь её оформит. Запомни, это должен быть именно мастер Сунь.

Слуга не смел медлить и поспешно ответил:

— Будьте спокойны, я обязательно всё сделаю, завтра же отправлюсь.

А Ци, глядя на приближающихся хозяина и слугу, слегка дрожал, опустив руки по бокам. Это был его первый визит в дом знатной семьи, и он не мог не чувствовать себя неловко.

Шэнь Пэйлинь взглянул на собаку у ног А Ци:

— Это Ань Жун отправил тебя привести её?

— Да, он сказал, что это подарок для госпожи Шэнь, как и обещал ранее.

Шэнь Пэйлинь слегка нахмурился:

— Ты как зовёшься?

— Меня зовут А Ци.

— Собаку я оставлю, ты можешь вернуться и передать своему господину, что я понял его намёк.

Шэнь Пэйлинь намеренно задержался, чтобы показать А Ци, кто здесь главный, главным образом из-за неприятного инцидента, произошедшего во время лодочной прогулки. Были они друзьями или врагами, оставалось под вопросом. В этот момент Ань Жун отправил собаку, и он, конечно, понял намерения этого господина.

А Ци повернулся, чтобы уйти, но в последний момент всё же не смог удержаться от жалости, с тоской взглянув на Сяо Хуана, и всё же решительно ушёл. Сяо Хуан всё время лаял ему вслед.

Собаки куда более преданны, чем люди.

Когда А Ци было двенадцать лет, он не смог удержать старую собаку, которую его семья держала много лет. Теперь он не смог удержать и Сяо Хуана. У него не было выбора, и никто не спросил, больно ли ему, тяжело ли ему от того, что собака уходит.

Вернувшись, А Ци сразу же поднялся на второй этаж, где Ань Жун лежал на мягком ложе, размышляя о чём-то, повернувшись на бок.

А Ци вошёл, не постучав, и их взгляды встретились. На этот раз А Ци не опустил глаза, а смело встретил взгляд Ань Жуна:

— Собаку отправил.

Сказав это, он не задержался ни на секунду и быстро ушёл.

В последнее время Цю Гуань часто упоминала о господине Мотыльке, новом куртизане, которого тётушка Мэй недавно купила за деньги. Когда эта девчушка говорила о нём, её лицо выражало ярость.

— Что он тебе сделал?

— Не мне, а Син Линь. Он всё время пристаёт к Син Линь, и она часто плачет, рассказывая мне о своих бедах. А Ци, разве господин Мотылёк не куртизан? Почему он так поступает?

В её словах чувствовалась сильная злость.

— Что именно он делает?

— Люди его типа, они как женщины, но при этом ещё и пристают к девушкам...

Услышав это, А Ци почувствовал, как в его груди вспыхнул гнев:

— Они не женщины, они тоже мужчины!

Цю Гуань была напугана внезапной яростью А Ци. Он, глядя на испуганное лицо девочки, пожалел о своей вспышке гнева. Она была всего лишь ребёнком, зачем он на неё злился?

— Прости...

Девочка не ответила на его извинения, а быстро убежала, словно плача.

В апреле Лян Жуфэн отправился в Лянчжоу, и Ань Жун, естественно, освободился от необходимости общаться с врагом. А Ци вздохнул, понимая, что он стал совершенно бесполезен. Внезапно возникшее чувство поражения пугало его, потому что он знал: если этот Лян ушёл, у Ань Жуна не будет моментов крайнего напряжения, и он больше не будет звать его к себе.

Даже Чунь Жуй заметила, что А Ци в последнее время потерял расположение, и господин Лин, похоже, больше не хотел его видеть. Служанки были самыми меркантильными, и Чунь Жуй особенно. Обычно, чтобы не раздражать хозяина, она вела себя с А Ци вежливо, но теперь, когда господин больше не обращал на него внимания, ей не нужно было терпеть унижения, опускаясь перед рабом-черепашой. Однако, помня прошлые уроки, Чунь Жуй не осмеливалась вести себя слишком грубо, вдруг этот человек снова окажется в постели господина Лина.

Однажды Чунь Жуй столкнулась с А Ци, который подметал пол на кухне, и, взяв с плиты

только что сваренное птичье гнездо, прошла мимо него, намеренно задев его локоть. Горячая липкая масса вылилась на А Ци, стекая с воротника на грудь, оставляя большие красные пятна.

— Ой, А Ци, ты в порядке? Это же каша, которую я варила для господина Лина всё утро.

Для него? Но она уже разбита. Как долго он не видел этого человека? Уже почти две недели, хотя они оба находились в Дворе Вечной Весны, но никак не могли встретиться. Даже самая пронизательная Чунь Жуй теперь видела, что А Ци больше не нравится господину Лину. А Ци смотрел на разбитые осколки фарфора и разлитую липкую массу птичьего гнезда, чувствуя жгучую боль в груди. Он не обращал внимания на ожог, для мужчины это было не важно, но ему было неприятно. Он знал, что Чунь Жуй сделала это намеренно.

— Я уберу, а ты убирайся отсюда.

Почему-то его охватило чувство раздражения и ярости, и он выкрикнул оскорбление в адрес Чунь Жуй. Сказав это, он сразу же пожалел. Ядовитость женщины известна, зачем он снова её задел?

Чунь Жуй, услышав это, побледнела от злости и язвительно сказала:

— Что? Залез в постель нашего господина и теперь вообразил себя хозяином? Ха, посмотри на себя в зеркало, какой ты урод!

А Ци полностью вышел из себя, его глаза широко раскрылись, и он смотрел на неё так, словно хотел её съесть.

Чунь Жуй, находясь в ярости, не отступала:

— Если бы господин Лин действительно любил тебя, он бы давно забрал тебя у мамы, чтобы ты ухаживал за ним. Ты, А Ци, не сидел бы здесь, выполняя чёрную работу!

— Ты врешь!

— Мечтаешь, грязный раб-черепаха!

А Ци: Ты, чёрт возьми, слишком жесток!

Ань Жун: ... Это вина автора, он должен нести ответственность!

<http://bllate.org/book/16237/1459442>